

В. И. Горбачук (Мозырь, Беларусь)

**НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СЕМЕНА ДАВЫДОВА
(ПО РОМАНУ М. А. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»)**

Михаил Александрович Шолохов был непосредственным участником и свидетелем коллективизации на Дону. Наблюдая за работой рабочих-путиловцев Баюкова и Плоткина, он сумел впоследствии создать правдивый характер посланца партии, двадцатипятилетнего Семена Давыдова.

Характеризуя Семена Давыдова, Шолохов использует средства паралингвистики.

Первое, что бросается в глаза, это непостоянство голоса героя. Автор ни разу не дает указание на высоту голоса персонажа.

Осознание исторической цели, неизбежности «молодого колхозного дела» определяет и то рвение к работе, которым отличается Давыдов. Он болеет за свою работу. Его голос, который, как отмечает автор, обычно спокоен, срывается на крик: *«Будто плетью Давыдова хлестнули. Он в страшной тишине с минуту стоял молча, бледнея, полураскрыв щербатый рот, потом хрипло крикнул: – Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили! Я еще доживу до той поры, пока таких, как ты, всех угробим»* [1, с. 42].

В обычные рабочие моменты, не требующие принятия скорого решения, голос Давыдова может приобретать легкий оттенок недовольства и раздумья: *«Давыдов кинул на сундук кепку, зашагал по комнате. В его голосе были недовольство и раздумье: Вот опять ты загибаешь... Беда с тобой, Макар! Ну, ты подумай: разве можно за убой коровы расстреливать? И законов таких нет, факт!»* [1, с. 73].

Можно заметить изменения фона голоса: «"–Ты что же это... так пашешь?" – ощеря щербатый рот, тихо спросил Давыдов» [1, с. 182].

В описании своего героя автор зачастую использует звуковые комплексы, которые возникают и принимают активное участие в разного рода физиологических реакциях и которые в акте коммуникации приобретают особые контекстные значения. Это смех, покашливание, скрип зубов и т. д. В тексте есть одна особенность их употребления. Эти неречевые звуки Давыдов использует только в разговорах с близкими людьми: «Давыдов поднес к лицу Андрея свою закожаневшую ладонь, мучительно заскрипел зубами, мамой заработанный рубль, и иду за хлебом... И вдруг, как свинчатку, с размаху кинул на стол черный кулак, крикнул: "Ты!! Как ты можешь жалеть?!"» [1, с. 38].

Для раскрытия характера героя автор прибегает к использованию средств окулесики, т. е. выражению глаз и взгляда. Характеризуя Давыдова, автор сравнительно нечасто использует эти средства.

В первую очередь хотелось бы отметить, что определенного сходства в использовании окулесики, которое бы подчеркивало какие-либо черты, характерные именно этому герою, автор не употребляет. Только дважды было указано на сверкание глаз героя: «Давыдов яростно сверкнул глазами: "Ну, еще!... Бело вспыхнула молния, и ворон, уронив горловой баритонистый клетот, вдруг стремительно ринулся вниз» [1, с. 178]; «Глаза Давыдова сверкнули, но он, все еще сдерживаясь, сказал: – "А ты оставь свои пышные слова, липовый друг, и давай говорить по-деловому"» [1, с. 310].

Данные примеры употреблены в одинаковой ситуации: автор делает акцент на недовольство и встревоженность героя. Взгляд односторонний, неконтактный. Оба примера выполняют эмотивную функцию.

Следующий пример из текста указывает на его активную гражданскую позицию и желание жить и строить коммунизм по правилам и законам, которые приходили из вышестоящей инстанции: «Управдел принес «Правду». Давыдов жадно шарил глазами» [1, с. 8].

Давыдов по натуре своей человек, обладающий добрым сердцем. С помощью средств окулесики автор передает это читателю: «Тогда, так же как и сегодня, удрученный плохими приметами, он наотрез отказался ехать в первую бригаду, ссылаясь на приснившийся ему отвратительный сон, и вдруг обычно добрые, даже ласковые глаза Давыдова потемнели, стали холодными и колючими» [1, с. 327].

Стоит отметить, что использование наречия «обычно» указывает на постоянство данной характеристики героя, а существительное «веселинкой», имеющее уменьшительно-ласкательный суффикс, еще больше усиливает прилагательное «добрые».

В этом же примере его глаза стали холодными и колючими, что указывает на некий испуг героя, но тут же герой взял себя в руки и его взгляд опять становится прежним. Данный окулесический прием представляет собой «взгляд в лицо», о чем говорят слова Щукаря: «У тебя глаза зараз стали, как у цепного кобеля, злые и вострые» [1, с. 327].

Смятение и некую робость мы можем увидеть в следующем примере: «Давыдов мял в пальцах потухший окуроч, смотрел в землю, долго молчал» [1, с. 259].

Опускание глаз рассматривается как умиротворяющий или успокаивающий коммуникативный сигнал, снимающий ненужное напряжение. Пример выполняет регулятивную функцию.

Итак, как было сказано выше, примеров окулесики в тексте немного, но и это малое количество дает некое представление о герое. Так, мы можем утверждать, что это человек дела, не сентиментальный, добрый, с проявлением кратковременных эмоций, но умеющий держать себя в руках.

Очевидно, что по лицу человека можно судить о его психологическом, эмоциональном состоянии, например, нервничает ли он, удивлен чем-то, сердится или радуется. Поэтому не удивительно, что, создавая характер персонажа, автор обращается к средствам кинесики. Хотелось бы сразу обратить внимание, что подобные средства в изображении автором Давыдова преобладают.

Для передачи всей разноликой гаммы эмоций героя автор использует изменение цвета лица. Он то багровеет, то розовеет, то бледнеет, причем в разных ситуациях цвет его лица может быть идентичным.

Итак, в тексте встречаются моменты, когда Давыдов не согласен со своим оппонентом и испытывает гнев. Именно в такие моменты цвет его кожи приобретает багровую либо розовую окраску: «— Как это так взяли?! — крикнул, побагровев, Давыдов» [1, с. 135]; « Это для чего же? Давыдов порозовел. Известно для чего, чтобы господь дожжичка дал» [1, с. 188].

Идентичный цвет принимает его лицо и в моменты смущения либо растерянности и объяснения мотивов своих поступков: «Давыдов багровел медленно, но густо. Не в силах преодолеть смущение, он нескладно заговорил о чем-то постороннем» [1, с. 215].

В моменты наиболее сильных эмоциональных переживаний его лицо за доли секунды может менять свой цвет, что указывает на особую тревогу и потерю душевного равновесия: « Колода ты! Сычуг бычий! У Давыдова шея багровела, вспухали жилы на лбу» [1, с. 72].

В моменты растерянности, невозможности противостоять обстоятельствам он бледнеет: «Будто плетью Давыдова хлестнули. Он в страшной тишине с минуту стоял молча, бледнея, полураскрыв щербатый рот, потом хрипло крикнул: Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили!» [1, с. 42].

И, наконец, в момент недовольства лицо Давыдова темнеет. Но это нетипичный пример, потому что в тексте встречается только один раз: «Давыдов сжал губы, потемнел: Чего ты нам жалостные рассказы преподносишь? Был партизан честь ему за это, кулаком стал, врагом сделался — раздавить! Какие тут могут быть разговоры?» [1, с. 22].

Жесты и мимика часто выдают героя, особенно если они нетипичные для других героев произведения. Это характерно для идиостиля М. А. Шолохова. У Давыдова есть один жест, который характерен только для него. Он часто ерошит волосы: «Это я тебе фактически говорю. — Давыдов взъерошил волосы, помолчал, чувствуя, что тронул Макара за живое» [1, с. 132].

Акцентируя внимание на зубах Давыдова, автор часто использует один и тот же мимический прием. В основном этот прием выполняет эмотивную функцию: «Будто плетью Давыдова хлестнули. Он в страшной тишине с минуту стоял молча, бледнея, полураскрыв щербатый рот, потом хрипло крикнул: Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили!» [1, с. 42].

Реже встречается контактоподдерживающая функция: «Давыдов улучил момент, когда учительница отвернулась, и, огорченно разводя руками, обнажил зубы» [1, с. 322].

Очень интересен факт, который связан с такой лицевой мимикой, как улыбка. Давыдов часто улыбается, когда о чем-либо думает, без посторонних. В такие моменты его лицо трогает растерянная улыбка: «Давыдов шел в правление, растерянно улыбаясь. Подумал было: «Надо ее как-нибудь к работе пристроить, а то собьется бабочка с правильных путей. Будни, а она вырядилась, и такие разговорчики...» [1, с. 122].

Также улыбку на его лице можно заметить, когда он находится в хорошем расположении духа: «Давыдов, давась и напряженно улыбаясь, довольно качнул головой. — А откуда мясо?» [1, с. 70].

Автор часто делает акцент на положении рук Давыдова для выражения состояния героя в определенный момент. Такие жесты играют роль регулятора речевого общения,

в частности, регулятора поддержания речи: «Давыдов радостно потер руки, повеселел: Вот и отлично! Факт, что Шпортной должен знать, кому принадлежит земля» [1, с. 313].

Кроме того, жесты могут повторять или дублировать актуальную речевую информацию: «Давыдов привскочил, замахал руками: Некогда мне! После! Потом!» [1, с. 197]; выражать эмоциональное состояние: «Мне эти игрушки не нравятся! грубо сказал Давыдов и даже кулаки сжал, задыхаясь от гнева. Зачем ты явилась сюда? Где мы с тобой уговаривались встретиться? Отвечай же, черт тебя возьми!..» [1, с. 219]; указывать на расположенность к адресату: « Читаю. Давыдов завернул страницу небольшой желтоватой книжки, раздумчиво улыбнулся. Вот, брат, книжка, дух захватывает! – засмеялся, ощеря щербатый рот, раскинув куцые сильные руки» [1, с. 70].

Наиболее волнительные моменты в жизни Давыдова выдают губы: «Давыдов вытер ладонью пересохшие от волнения губы, продолжал: Вот мы на заводе делаем трактора для вас. Бедняку и середняку-одиночке купить трактор слабо: кишка тонка!» [1, с. 17].

Моменты изумления и удивления автор передает с помощью движения бровей: «Давыдов изумленно поднял выгоревшие на солнце брови: – Каких кошек?» [1, с. 348].

Разный эффект создает автор, делая акцент на плечах Давыдова. Но все движения, связанные с плечами, повторяют и дублируют актуальную речевую информацию: «Давыдов пожал плечами, уклоняясь от ответа, и сразу же перешел к делу: – У меня к тебе неприятный разговор, сосед» [1, с. 309].

Таким образом, в портретировании Семена Давыдова автор умело применяет средства кинесики, что помогает читателю увидеть индивидуальность героя, присущие только ему черты.

Выражение дружбы, участия или заботы по отношению к адресату жеста передается с помощью гаптики: «Тяжело, всхлипами дыша, Давыдов с минуту ходил по комнате, потом обнял Андрея за плечи, вместе с ним сел на лавку, надтреснутым голосом сказал: – Эка, дурило ты! Пришел и ну, давай орать: «Не буду работать... дети... жалость...» Ну, что ты наговорил, ты опомнись!» [1, с. 38].

Встречается и отражение интимного отношения к адресату: «Он обнял Варю, несколько раз провел ладонью по ее склоненной голове» [1, с. 375].

Жестовое касание является, прежде всего, актом связи, установления контакта с коммуникативным партнёром.

Подводя итог использованию невербальных языковых средств в описании характера и внешности Давыдова, хочется отметить, что автором использованы приемы окулесики, паралингвистики, гаптики, кинесики. Особенно широко представлена последняя, в полном объеме рисующая портрет героя.

Список использованных источников

1. Шолохов, М. А. Поднятая целина : роман : в 2 кн. / М. А. Шолохов. – М. : Худож. лит., 1984. – 415 с.